
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

В. В. БАТАЛОВ

ПОТОК ВРЕМЕНИ И ФЕНОМЕН ПРОШЛОГО

В статье рассматриваются стратегии преодоления апорий изменчиво-постоянного времени, используемые в феноменологии Э. Гуссерля, и осуществляется анализ феномена прошлого как специфического становления. Феноменологический интерес к темпоральности переживаний характеризуется направленностью преимущественно на исчезающий характер времени. Темпоральный горизонт оказывается горизонтом прошлого, которое выстраивается не в линейном континууме опустошения, а в многомерном, «живом» становлении прошлым. Последнее не просто поглощает утекающее в него настоящее, оно само протекает, погружается в себя в «непрерывности градаций», становясь более отдаленным прошлым, то есть прошлым прошлого и т. д. Феноменология преуспевает в прояснении нелинейного характера времени, однако присущее ей отождествление изменения и протекания ведет к тому, что динамика изменения оказывается целиком заключенной в феномене прошлого.

Ключевые слова: феноменология времени, поток и стазис времени, изменение, континуум, ретенция.

The article considers the strategies for overcoming the aporias of variable-constant time in E. Husserl's phenomenology and analyzes the phenomenon of past as special becoming. The phenomenological interest in temporal experiences is focused mainly on the disappearing nature of time. The temporal horizon appears to be the horizon of past which is built not in a linear continuum of emptying, but in a 'living', multidimensional formation by the past. The latter does not simply absorb the present flowing into it, it flows itself, immerses itself in the 'continuity of gradations', becoming a more distant past, i.e. past of the past, etc. Phenomenology succeeds in clarifying the non-linear nature of time, but equating change to a flow, which is inherent to phenomenology, leads to the fact that the dynamics of change turns out to be entirely enclosed in the phenomenon of past.

Keywords: *phenomenology of time, flow and stasis of time, change, continuum, retention.*

Используемая в настоящей статье методология предполагает соотнесение феноменологической аналитики времени с экспликацией смыслов, заключенных в идее потока времени и связанных с присущим ему изменчиво-постоянным характером. Возможны два способа проблематизации изменчиво-постоянного времени. Первый направлен на объяснение тождества, устойчивости, неподвижности и постоянства, проявляющихся в динамике потока времени, второй отвечает на вопрос, как возможны время и изменение в статичном универсуме. Так как нас будет интересовать феномен прошлого, а также природа негативности, характеризующей прошлое как «больше не существующее», «исчезнувшее» (вопрос в том, является ли эта негативность чисто языковой и феноменальной или же она требует соответствующей онтологии), мы будем исходить из первичности потока, то есть из первого способа понимания времени и изменения.

Специфический интерес к темпоральности переживаний, лежащий у истоков феноменологии времени (Аврелий Августин, Ф. Brentano), был направлен преимущественно на исчезающий характер времени, понятого как становление прошлым. «Если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим о том, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что стремится исчезнуть (*tendit non esse*, стремится не быть. – В. Б.)?» [Блаженный Августин 2013: 183]. Исчезающее прекращает существовать, но если становление прошлым – это становление нереальным, то темпоральный континуум состоит из пустоты, что было бы абсурдно. Апория опустошающей темпоральности возникает и в учении Ф. Brentano о происхождении времени. Brentano приравнивает сознание времени к сознанию прошлого, основу которого составляет проточувство, протопредставление (*Proterästhesie*), первоначальная ассоциация (*ursprüngliche Assoziation*), в ранних работах его выступавшая «репрезентаци-

ей» несуществующих, исчезающих в прошлом объектов. Позднее же австрийский философ пришел к выводу, что дифференцированность *Proterästhesie* и чувственного представления обусловлена не различием в экзистенциальном статусе объекта (прото)представления, другими словами, она обусловлена не его (не)существованием, а различием в способе представления [Brentano 1988: 79–82]. В противном случае, как справедливо замечает один из авторов компендиума по феноменологии «Phenomenology World-wide: Foundations, Expanding Dynamics, Life-engagements», «континуум времени содержал бы реальный элемент (объект, заданный представлением) наряду с нереальными элементами (объектами в их разнообразных, относящихся к прошлому и будущему, проточувственных модификациях), полностью гетерогенными первому (реальному. – В. Б.) элементу, что невозможно: очевидно, что такие совершенно различные элементы не могут конституировать континуум» [Tymieniecka 2002: 25].

Вопрос о том, являются ли все времена одинаково реальными (этернализм), или же реально только настоящее (презентизм), тесно связан с дилеммой потока и стазиса времени, эксплицированной Э. Гуссерлем при обсуждении *изменчиво-постоянного* времени, проблемы темпорального потока, в котором – в погружении в прошлое, в протекании – конституируется не протекающее, устойчивое, тождественное время (см. § 31. *Первичное впечатление и объективная индивидуальная временная точка* в [Гуссерль 1994]).

Переходя к проблематике потока и стазиса, нельзя обойти молчанием ее обратную сторону, а именно – апорию изолированного настоящего. Понятие изолированного настоящего, то есть настоящего, которое *nullum habet spatium*, «не имеет никакого протяжения», находим также в книге XI «Исповеди» Блаженного Августина: «Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее же не продолжается» [Блаженный Августин 2013: 184].

Lapis offensionis философии и психологии рубежа XIX–XX вв. (то есть той эпохи, в рамках которой происходило становление фе-

номенологии времени), стремившихся объяснить возможность восприятия темпоральных объектов, – его «дедукция» из «дискретного» сознания, состоящего из серий психических актов, импрессий, точечных фаз. Если исходной компонентой сознания настоящего оказывается моментальная импрессия, то есть нечто, не имеющее временной глубины (в противном случае импрессия уже несла бы в себе различие прошлого и будущего, что предполагало бы *circulus vitiosus* в «получении» темпорального сознания), то как объяснить происхождение представления об изменяющихся во времени или постоянных феноменах, не охватываемых изолированным моментом сознания настоящего? Более того, не охватываемых не только одним моментом сознания, но и серией таких моментов, потому что, как отмечают и Ф. Brentano, и А. Meinong [Meinong 1978: 187], последовательность представлений не ведет к представлению о последовательности.

Темпоральный предмет репрезентируется в последовательности впечатлений или представлений, но эта последовательность представлений еще не есть представление о последовательности, осознание временного характера предмета. Преодолеть эту трудность была призвана гипотеза симультанного восприятия, высказанная И. Ф. Гербартом и воспринятая Р. Г. Лотце и Ф. Brentano [Гуссерль 1994: 23–26; Dainton 2017]. Согласно этой гипотезе, последовательность моментов существования темпорального предмета охватывается актом восприятия, который сам не является сукцессивным, не состоит из ряда моментов или фаз. Как представление о красном и круглом само не является ни красным, ни круглым, так и восприятие временных объектов, распространяющихся «по длительности, наполняя ее непрерывным тождеством или постоянным изменением» [Гуссерль 1994: 24–25], симультанно, одновременно охватывает ряд разновременных моментов, но само не имеет длительности. Таким образом, непосредственный опыт времени оказывается невозможным, принимаются лишь репрезентации времени в сознании, не имеющем временной структуры. Э. Гуссерль не отрицает, что сознание, имеющее некоторую длительность, и сознание длительности объектов – не одно и то же, однако идея репрезентации времени для него, конечно, неприемлема: «...если мы

не будем принимать во внимание никаких трансценденций, то у восприятия останется, в соответствии со всеми его феноменологическими конституентами, его феноменологическая временность, которая принадлежит его неустранимой сущности» [Гуссерль 1994: 25].

Следовательно, образ времени как последовательности сменяющихся друг друга моментов оказывается всего лишь абстракцией. Поток времени, говорит Э. Гуссерль, «есть непрерывность постоянных изменений, образующая неразрывное единство, которое нельзя разделить на участки, которые могли бы существовать сами по себе, на фазы, которые могли бы существовать сами по себе, на точки в непрерывности» [Там же: 30]. На самом деле я слышу мелодию, а не последовательность тонов и тем более не фазы отдельного тона в репрезентациях точечного, изолированного настоящего. Таким образом, мелодия выстраивается в нелинейном потоке, в континууме непрерывных опосредований первичного впечатления (*Urimpression*), «тонального Теперь» (*Ton-Jetzt*) его ретенционными и протенционными модификациями. Именно ретенция конституирует протекание, погружение «в более отдаленное прошлое» [Там же: 51]. Ретенция примыкает к первичному впечатлению подобно «хвосту кометы» [Там же: 38], превращая Теперь в прошлое, след или шлейф которого будет принадлежать уже ретенции «нового» настоящего и т. д. (см. диаграммы времени и их анализ в «Лекциях» [Там же: 30–32] и в «Бернаусских рукописях» [Его же 2012: 189]). Другими словами, всякая ретенция ретенирует прошедшее настоящее вместе с принадлежащей ему ретенцией. Прошлое тем самым выстраивается не в линейном потоке, а в континууме, смещающемся «в себя». В «Бернаусских рукописях» Гуссерль сравнивает этот сдвигающийся в себя континуум с «опосредованной образностью» фотографии, изображающей гравюру, которая, в свою очередь, является изображением картины [Там же: 177].

Предварительные выводы, необходимые для дальнейшего анализа, заключаются в следующем. Специфика ретенции позволяет сказать, что имманентное прошлое не просто поглощает утекающее в него настоящее, оно само протекает, погружается в себя в «непрерывности градаций», становясь более отдаленным прошлым,

то есть прошлым прошлого и т. д. – иными словами, оно *tendit*, как говорил Августин, *nonesse* – стремится к небытию. С одной стороны, эта текучесть означает, что феноменологическое прошлое не неизменно, несводимо к неизменяемым явлениям, с другой же стороны, сказанное подводит к проблематике изменчиво-постоянного времени, или к дилемме потока и стазиса. Прошлое, непрерывно сдвигающееся в более отдаленное прошлое, то есть изменяющее свою временную позицию, так же сохраняет свою временную позицию [Гуссерль 1994: 67]. Прошлое не неизменно, и все же оно остается тем, что оно есть. Э. Гуссерль сводит проблему постоянства временных позиций к вопросу о тождественности объектов во времени. Длительность апперцептивно объективируется как «род предметности» [Там же: 72]. Стазис времени тем самым оказывается отнесенным к индивидуации объектов, к «вне-темпоральной материи», сохраняющей в потоке «тождественность предметного смысла» [Там же: 68].

Итак, Гуссерль считает, что никакой дилеммы потока и стазиса *sensu proprio* нет. Между тем изменчиво-постоянное время можно тематизировать иначе, чем это делает Гуссерль. Оппозиция *поток versus стазис* оказывается основой наиболее обширного направления современной спекулятивной философии времени – аналитической метафизики темпоральности и обретает новый смысл в явлении «переоткрытия времени» (И. Пригожин), противопоставленном классической обратимости законов общей теории относительности и квантовой механики как «радикальному отрицанию времени». При этом онтологии процесса опираются на синергетическую модель темпоральности, тогда как онтологии стазиса фундированы теорией гравитации. К теориям стазиса принадлежат учение Д. Э. Мак-Таггарта о нереальности времени, концепция последователя Мак-Таггарта Д. Х. Меллора, редуцирующего время к каузальности и утверждающего, что именно последняя, а не необратимые процессы, субстанцирует различенность событий во времени, а также его направление [Mellor 1998: 118–123], и др.

Феноменология времени Гуссерля (как периода лекций о сознании времени 1905 г., так и на ее следующем этапе, который манифестируют *Рукописи L* [1917–1918 гг.], также именуемые *Берна-*

усскими манускриптами о сознании времени) нацелена преимущественно на анализ феномена прошлого (минувшего). *Ablaufspränomene*, «феномены протекания», равно как и *Abklang*, «стихание» [см.: Гуссерль 2012], – это феномены прошлого. Понимание времени прежде всего как проходящего, утекающего в прошлое, исчезающего было характерно и для Блаженного Августина: «...время существует лишь потому, что стремится исчезнуть». У Э. Гуссерля время – это прежде всего континуум ретенций, континуум прошлого, «пределом» которого выступает не настоящее, а абстрактная, сама по себе не существующая точка Теперь, а также континуум памяти. Темпоральный горизонт оказывается горизонтом прошлого. Гуссерль анализирует преимущественно ретенциональные модификации сознания времени, то есть модификации, конституирующие утекание времени в прошлое, но поток времени конституируется также и модифицирующими его ожиданием и предвосхищением, направленными в будущее.

Протенционально ориентированным развитием феноменологии времени оказывается фундаментальная онтология М. Хайдеггера, в основании которой – универсальный экзистенциал «заботы» (*Sorge*) и экзистенциал Бытия к смерти (*Sein zum Tode*) как сознания возможности своего собственного несуществования, то есть как специфической «направленности» сознания в будущее. Другой выход лежит вне рамок собственно феноменологии и состоит в апроприации феноменологической модели темпоральности и схематизмов сознания времени когнитивной нейронаукой. Субъективный опыт можно описывать на микро- и макроуровнях (то есть исходя из функционального единообразия нейронных сетей и целостных когнитивных актов), как самодвижение потока, соответствующее динамике нестабильных, нелинейных, самоорганизующихся систем. «Протенция связана с субъективной аффективной тональностью, отражающей воплощенную (*embodied*) и контекстуализованную ситуацию, которая задает начальные и граничные условия <...> нейродинамики. Иницируя интенциональный когнитивный акт, например, решив найти определенный объект в своем окружении, я вызываю преобразование, окрашенное некоторой аффективной предрасположенностью, которая предвосхищает изменение

восприятия» [Gallagher, Zahavi 2008: 82]. Все это касается феноменологии времени в целом, но можно указать и на те трудности феноменологической аналитики, которые связаны непосредственно с феноменом прошлого.

Прошлое выстраивается не в линейном континууме опустошения, а в многомерном, «живом» становлении прошлым. Феноменология преуспевает в прояснении нелинейного характера времени, однако присущее ей отождествление изменения и протекания ведет к тому, что динамика изменения оказывается целиком заключенной в феномене прошлого. Э. Гуссерль представляет поток времени как непрерывную, обновляющуюся в каждой новой «точке» настоящего модификацию континуума прошлого, принадлежащего этой «точке» целиком и полностью, в качестве превращения предшествующего континуума (так как настоящее становится прошлым, прошлое – прошлым прошлого и т. д.). Таким образом, согласно Гуссерлю, прошлое не неизменно, оно существует в потоке непрерывных модификаций. Однако неясна природа этих модификаций. Некоторый свет на это проливает фрагмент, описывающий изменчивость памяти как репродукции первичного сознания прошлого: «...воспроизводится целое, не только тогдашнее настоящее сознания (Bewusstseinsgegenwart) с его потоком, но “implicite” весь поток сознания до живущего настоящего. <...> Воспоминание существует в постоянном потоке, так как жизнь сознания существует в постоянном потоке, а не только соединяется в цепь звено к звену. Скорее каждое Новое воздействует обратно на Старое, его идущая вперед интенция <...> придает репродукции определенную окраску» [Гуссерль 1994: 57–58]. В основном же характер изменений выражается при помощи пространственной аналогии – прошлое изменяется, потому что становится более отдаленным прошлым. Феноменология выстраивает довольно оптимистический образ времени: прошлого уже нет, но оно не менее доступно, чем настоящее, оно принципиально восстановимо, реактуализируясь, например, в форме исторического нарратива, на основе «следов», оставленных в настоящем. Анализ времени, предложенный Гуссерлем, требует дальнейшего уточнения и философской проработки. Сама сложность и глубина его учения о времени скорее намечает новые

горизонты понимания, нежели обеспечивает нас уже найденным, полным знанием.

Между тем можно вновь проблематизировать время, еще раз допустив, что оно включает в себе возможность бесследного исчезновения. Прошлое не только оставляет след в настоящем, но и исчезает бесследно, становясь более отдаленным прошлым. Интерпретируя XI книгу «Исповеди» Блаженного Августина, П. Рикер острит внимание на фрагменте, предваряющем решение Августином апории бытия и небытия времени. В этом фрагменте речь идет о предполагаемой онтологической негативности прошлого и будущего, лежащей в основе апории. Существуют «не прошлое и будущее как таковые, но временные свойства, которые могут существовать в настоящем независимо от того, существуют ли <...> вещи, о которых мы говорим, когда рассказываем о них или предсказываем их» [Рикер 1998: 20]. Для Августина эта концепция «монадического» бытия темпоральных свойств лишь предваряет идею «трояственного настоящего» и тем самым разрешает апорию, однако примечательно, что в современных «презентистских» онтологиях времени, отрицающих бытие вне настоящего времени, то же самое, в сущности, учение о «персистенции» свойств призвано обосновать возможность истинностных утверждений о несуществующем прошлом*.

Возражение против онтологической негативности прошлого состоит в следующем. Отрицание бытия прошлого ведет к тому, что истинное знание о том, чего больше нет, оказывается в принципе невозможным, так как истинное знание должно быть знанием о существующем. Учение о «персистенции» свойств позволяет преодолеть эту эпистемологическую трудность посредством указания на то, что истинное знание о прошлом – это знание не самого прошлого, а его свойств. Которые, впрочем, не являются совер-

* Эта тема достаточно подробно освещена в [Mozersky 2011]. На представленном там же рассуждении основывается указание на возможность миров неразличимых, но имеющих различное прошлое. Такая возможность, вопреки замыслу Д. М. Мозерски, не опровергает концепцию монадических персистентных свойств, но выступает лишь альтернативным способом ее описания в терминах возможных миров.

шенно «неразрушимыми», поскольку существуют в потоке времени. Таким образом, истинностные утверждения о прошлом не оказываются, конечно же, принципиально невозможными, они лишь не всегда возможны. Тогда следует допустить возможность миров, неотличимых друг от друга, но имеющих различное прошлое. Например, наш мир является миром, в котором произошла битва при Ватерлоо. Между тем существует возможный мир, в некоторый момент своей истории неотличимый от нашего, хотя в нем никогда не было битвы при Ватерлоо. Точнее, если в некоторый момент t в нашем мире больше нет никаких следов битвы, существует возможный мир, неотличимый от нашего, но имеющий другое прошлое, где битва никогда не происходила [ср.: Mozersky 2011: 110]. Неразличимость таких миров свидетельствует о том, что истинностные утверждения о некотором прошлом невозможны, если это прошлое изменилось, став достаточно отдаленным и утратив свою определенность. Эта проблема указывает лишь на темпоральную ограниченность знания о прошлом и вытекает в действительности из логики изменчивости прошлого, изменчивости исчезающих в нем объектов, утрачивающих свою определенность, свои свойства и предикаты.

Литература

- Блаженный Августин. Исповедь. СПб. : Наука, 2013.
- Гуссерль Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Гнозис, 1994.
- Гуссерль Э. Бернауусские рукописи о сознании времени (1917/1918) // Horizon. 2012. № 1. С. 169–192.
- Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб. : Университетская книга, 1998.
- Brentano F. Philosophical Investigations on Space, Time and the Continuum. Beckenham : Croom Helm, 1988.
- Dainton B. Temporal Consciousness. Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/consciousness-temporal> (дата обращения: 14.05.2019).
- Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. New York : Routledge, 2008.

Meinong A. On Objects of Higher-Order and Their Relationship to Internal Perception / M.-L. Schubert Kalsi, A. Meinong // On Objects of Higher Order and Husserl's Phenomenology. The Hague : Martinus Nijhoff, 1978. Pp. 137–208.

Mellor D. H. Real Time II. London : Routledge, 1998.

Mozerky J. M. Presentism // The Oxford Handbook of Philosophy of Time / ed. by C. Callender. New York : Oxford University Press, 2011. Pp. 103–120.

Tymieniecka A.-T. Phenomenology World-wide: Foundations, Expanding Dynamics, Life-engagements: A Guide for Research and Study. Dordrecht : Springer Science, 2002.